

of access: http://www.wipo.int/clea/docs_new/pdi/en/us/us218en-part4.pdf. – Date of access: 11.08.2011.

15. *Штумпф, Г.* Лицензионный договор / Г. Штумпф. – М. : Прогресс, 1988. – 480 с.

16. *Duijnste v Goderbauer: The Judgement of the European Court of Justice, 15 November 1983, Case 288/82* / Mode of access: http://www.ippt.eu/files/1983/IPPT19831115_ECJ_Duijnste_v_Goderbauer.pdf. – Date of access: 15.05.2011.

17. *Nuyts, A.* International Litigation in Intellectual Property and Information Technology / A. Nuyts, H. Nikitas, K. Szychowska. – Wolters Kluwer. – 2008. – 311 p.

18. *Engelen, T.* Jurisdiction and Applicable Law in Matters of Intellectual Property / T. van Engelen. – Electronic Journal of Comparative Law, vol. 14.3, December 2010. – Mode of access: <http://www.ejcl.org/143/art143-19.pdf>. – Date of access: 11.05.2011.

19. *Gesellschaft für Antriebstechnik mbH & Co. KG v Lamellen und Kupplungsbau Beteiligungs KG: The Judgement of the First Chamber of the European Court of Justice, 13 July 2006, Case 4/03* / Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:62003J0004:EN:HTML>. – Date of access: 12.06.2011.

20. *Roche Nederland BV and Others v Frederick Primus and Milton Goldenberg: The Judgement of the First Chamber of the European Court of Justice, 13 July 2006, Case 539/03* / Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:62003J0539:EN:HTML>. – Date of access: 12.06.2011.

SOME ASPECTS OF DISPUTE RESOLUTION REGARDING INTERNATIONAL TRANSFER OF TECHNOLOGY

A. Metelitsa

The article provides a review of some aspects of dispute resolution regarding the transfer of technology in the legislation of the Republic of Belarus and other states, as well as in the international legal documents. The author reports on different views regarding the arbitrability of those disputes as well as on the determination of jurisdiction on disputes involving intellectual property rights.

Статья поступила в редакцию 30.05.2012 г.

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА И ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Н. В. Оксюччик

В статье автор исследует вопрос о взаимоотношении принципов международного публичного права и принципов международного частного права. Анализируя существующие доктринальные подходы к решению этого во-

проса, автор обосновывает вывод о том, что взаимоотношение принципов международного публичного и международного частного права основано на их автономности, равнозначности и взаимном косвенном влиянии, обеспечивающем поступательное прогрессивное развитие соответствующих систем правовых норм.

Вопрос о взаимоотношении принципов международного публичного права и принципов международного частного права является одним из ключевых в процессе исследования указанных систем правовых норм с одной стороны, общности их генезиса и параллельности исторического развития, и, с другой стороны, в связи с тем, что «в этих системах... принципы права получают особенно широкое, но не столько применение, сколько развитие вплоть до уровня источников права» [8, с. 38]. Установив степень, характер и порядок взаимодействия принципов международного частного права и принципов международного публичного права, можно сделать один из ключевых шагов к пониманию всего сложнейшего механизма сосуществования этих систем правовых норм, основанного на взаимообусловленности развития и соприкосновении сфер регулирования.

Следует отметить, что, как и в отношении многих других общетеоретических проблем международного частного права, в вопросе о взаимоотношении принципов международного публичного права и принципов международного частного права приходится констатировать наличие существенных доктринальных различий. В немалой степени эти различия продиктованы наличием продолжающейся дискуссии о месте международного частного права в системе права в целом и его взаимоотношении с международным публичным правом в частности. При этом подавляющее большинство существующих в рамках упомянутой дискуссии доктринальных концепций как минимум не рассматривает международное частное право стоящим на одном уровне с международным публичным правом, а зачастую просто механически подчиняет международное частное право публичному, растворяя его в последнем [1, с. 89—94]. Обозначенное доминирование указанных подходов явилось причиной весьма значительного сужения рамок большинства научных исследований вопроса о взаимоотношении принципов международного публичного права и принципов международного частного права и, как следствие, существенно обеднило их результаты.

В частности, Г. В. Вельяминов говорит о том, что принципы международного права прямо действуют в международном частном праве и пытается обосновать правильность указанной гипотезы вне зависимости от той или иной теории, обосновывающей место международного частного права в системе права [7, с. 200]. Подобная весьма спорная попытка с неизбежностью приводит исследователя к механическому экстраполированию принципов международного публичного права на сферу частноправовых отношений,

осложненных иностранным элементом. Пытаясь разъяснить и проиллюстрировать прямое применение того или иного принципа международного публичного права в международном частном праве, указанный автор неизбежно скатывается к примерам из сфер, регулируемых международным экономическим правом и относящихся к международному частному праву весьма опосредованно, либо безо всякого на то основания констатирует применимость в международном частном праве ряда принципов, вообще не имеющих к нему никакого отношения [7, с. 201–202]. Схожего подхода придерживаются М. М. Богуславский, формирующий «исходные начала российской доктрины международного частного права» на основе принципов международного публичного права [2, с. 28–31], Л. А. Лунц, заявляющий о «единстве исходных начал международного частного и международного публичного права» (пусть и частичном) [5, с. 32–34] и некоторые другие авторы. В результате отсутствия конструктивных критических подходов к обозначенной позиции, к сожалению, продолжают появляться научные исследования по общетеоретическим вопросам международного частного права, утверждающие о том, что определенная часть принципов международного частного права является «следствием» принципов международного публичного права [4, с. 19].

В подобных подходах исследователями игнорируется тот факт, что принципы права объективны, а потому подлежат выявлению и фиксации в ходе глубокого комплексного анализа той или иной системы правовых норм; принципы права не могут создаваться путем искусственной привязки неких абстрактно сформулированных положений к объективно существующей правовой реальности, ибо это идет в разрез с одним из неотъемлемых свойств правовых принципов — того, что они «в определенном объеме «предшествуют» и впоследствии «переходят» в объективное право, т. е. представляют собой своего рода «доправо» [8, с. 40]. Любая попытка искусственно перенести принципы международного публичного права в сферу международного частного права изначально обречена на неудачу, так как положения, объективно не присущие международному частному праву, не смогут закрепиться в качестве его принципов в силу отсутствия действенного механизма поддержки их существования. Принцип любой системы правовых норм существует как таковой только до тех пор, пока указанная система, «порожденная» им, продолжает основываться на этом принципе. Появление противоречий между системой правовых норм и ее принципом (и еще более — увеличение их количества с течением времени) свидетельствует о назревании глубоких качественных изменений этой системы, вызванных тем, что некий новый, формирующийся, принцип прошел стадию «доправо» и начал процесс постепенного перехода в право объективное. В результате осуществления подобного перехода старый принцип перестает быть таковым и заменяется новым, который в свою очередь предопределяет последующие изменения в

нормативном составе системы, «порождая» новые правовые нормы. Постоянное повторение указанного цикла представляет собой естественный процесс саморегуляции системы, направленной на достижение внутренней согласованности и непротиворечивости комплекса составляющих ее правовых норм, так как только отсутствие внутренних противоречий в системе правовых норм является надежным залогом надлежащего выполнения этой системой своей основной функции — регулирования общественных отношений.

Таким образом, в процессе естественной саморегуляции с неизбежностью произойдет отторжение принципов международного публичного права, механически перенесенных в систему международного частного права, в силу того что:

1) международное частное право как особая система правовых норм изначально не была «порождена» принципами международного публичного права; ни один из принципов международного публичного права в неизменном виде не сможет послужить в качестве вновь формируемого принципа международного частного права ввиду наличия весьма значительных различий между указанными системами правовых норм;

2) принципы международного публичного права имеют слишком мало точек соприкосновения со сферой частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, вследствие чего с неизбежностью будут вступать в противоречие со многими нормами международного частного права.

В противоположность мнению Г. В. Вельяминова, М. Вольф отстаивает совершенно иную точку зрения. Он критикует авторов, полагающих «что определенные общие принципы международного частного права могут быть выведены из основных концепций, воплощенных в международном публичном праве» [3, с. 27], констатируя, что «не существует такого принципа международного права, который заключал бы в себе «распределение компетенции» в области частного права, т. е. разграничение соответствующих сфер законодательной компетенции различных государств» [3, с. 28]. Таким образом, М. Вольф утверждает, что принципы международного публичного права не имеют никакого отношения ни к международному частному праву вообще, ни к его принципам в частности.

С нашей точки зрения согласиться со столь резкой и однозначной позицией было бы неверно в силу того, что подобный подход слишком упрощает механизм взаимодействия принципов международного частного права и принципов международного публичного права, жестко разделяя и даже в некоторой степени противопоставляя их друг другу. Анализ современной правовой реальности действительно не позволяет говорить о прямом воздействии принципов международного публичного права на принципы международного частного права, однако факт косвенного влияния налицо.

Развитие международного публичного и международного частного права на протяжении всей истории их существования шло параллельно и порой осу-

шествовалось одними и теми же субъектами правотворческой деятельности, что не могло не отразиться как на нормативном составе, так и на принципиальных положениях обеих систем правовых норм. Ведь как справедливо отмечает Е. В. Скурко, все принципы права это «отражение в категориях правового мышления профессионального юриста моральных норм юридического общества, обобщающих правила, определяющие собой границу и формы перехода общественных отношений — в правовые, фактов и событий — в юридические факты и субъективные права» [8, с. 26], а объективное право в конечном итоге — продукт субъективной правотворческой деятельности юристов, осуществляемой ими на основе всей совокупности правовых принципов, усвоенных во время изучения юридических дисциплин и профессионального становления. В этой связи совершенно естественно, что во время нормативной фиксации тех или иных принципиальных основ международного частного права субъекты правотворческой деятельности будут руководствоваться (осознанно или не вполне отдавая себе в этом отчет), например, принципом уважения прав и основных свобод человека или принципом невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государства.

В частности, последний из упомянутых принципов международного публичного права призван гарантировать суверенность государств — одно из свойств, наиболее ревностно охраняемых всеми странами, так как «суверенность государства является политико-правовой предпосылкой для его полноправного и равноправного участия в международном общении и в принципе — независимой деятельности на мировой арене» [6, с. 57]. Реализация этого принципа привела к тому, что в течение достаточно продолжительного времени частноправовые отношения, осложненные иностранным элементом, регулировались почти исключительно нормами внутригосударственного права, а сама возможность применения иностранного права на территории государства рассматривалась как едва ли допустимое исключение. В результате в международном частном праве сформировался и получил признание исторически первый его принцип — международная вежливость (*comitas gentium*), явившийся предпосылкой применения иностранного права на территории каждого государства, а также обязавший последнее аналогичным образом допускать на своей территории применение права первого государства [1, с. 104]. Формирование принципа международной вежливости знаменовало собой достижение компромисса между ревностно охраняемым суверенитетом государств и практической необходимостью надлежащего регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, которые по своей сути изначально затрагивают сферы интересов нескольких стран.

Развитие международного сообщества во второй половине XX — начале XXI в., характеризующееся все нарастающей интернационализацией государств, расширением интеграционных процессов и всеобщей глобализацией, внесло весьма существенные коррективы в порядок регулирования частно-

правовых отношений, осложненных иностранным элементом. Значительно возросла роль международных источников регулирования, разрабатываемых на интеграционном, межгосударственном либо институциональном уровне, наметилась тенденция к значительной унификации норм международного частного права. Все нарастающий тренд сужения сферы частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, регулируемой на внутригосударственном уровне, вызвал серьезную озабоченность государств на предмет сохранения в указанной сфере действия принципа невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государства. Указанная ситуация в немалой степени способствовала тому, что существовавшие в международном частном праве институты оговорки о публичном порядке и суперимперативных норм закрепились в качестве полноправных принципов международного частного права. Именно эти принципы международного частного права создали для государств так необходимую для них «подушку безопасности» в сфере частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, обеспечив наличие реального механизма защиты принципиально важных для той или иной страны вопросов.

Анализ еще двух существующих принципов международного частного права — национального режима и режима наибольшего благоприятствования в отношении физических лиц — убеждает в том, что формирование этих принципов в их современном понимании шло в тесном взаимодействии с процессом закрепления принципа уважения прав и основных свобод человека в международном публичном праве и во многом было обусловлено этим процессом. В этой связи очевидно, что попытка нормативной фиксации неких принципиальных положений международного частного права, прямо противоречащих принципам международного публичного права, неизбежно вызовет их резкое и безоговорочное неприятие как со стороны профессиональных юристов, так и со стороны всего международного сообщества. Однако это обусловлено не тем, что принципы международного публичного права лежат в основе международного частного права и не некой «вторичностью» международного частного права по отношению к международному публичному праву, а прежде всего общностью и параллельностью их исторического развития, а также постоянным взаимодействием, обогащающим обе указанные системы правовых норм.

Таким образом, можно констатировать, что две обозначенные полярные точки зрения слишком односторонне смотрят на вопрос о взаимоотношении принципов международного публичного права и принципов международного частного права. Очевидно, что указанные системы принципов находятся в постоянном взаимодействии, основанном не на подчиненности, а на самостоятельности и автономности каждой из них. На это достаточно давно уже указывает целый ряд зарубежных авторов [12; 13; 14; 15], и осознание этого

факта постепенно приходит и в отечественную доктрину международного частного права.

В частности, В. Г. Тихиня хотя и говорит об «использовании общих начал международного публичного права в международном частном праве» [9, с. 15], однако одновременно пытается сформулировать самостоятельный перечень принципов международного частного права [9, с. 10]. По схожему пути идет М. Л. Чудаева [11, с. 9–11]. Упомянутые подходы — не что иное, как переходный этап в развитии доктринальной проработки вопроса о взаимоотношении принципов международного публичного права и принципов международного частного права, а потому они содержат в себе неизбежные противоречия.

Так, представляется спорным подход, при котором указанными авторами предпринимается попытка вычленив из правовой реальности и четко сформулировать принципы международного частного права в сочетании с утверждением о непосредственном действии принципов международного публичного права в сфере частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом. Утверждение о прямом действии принципов международного публичного права является ничем иным, как доктринальным санкционированием их вторжения в сферу международного частного права. Тем самым нивелируется значимость международного частного права как особой самостоятельной системы правовых норм, оно вновь искусственно ставится в некое подчиненное положение, абсолютно противоречащее его сущности и лишаящее его способности адекватно регулировать входящие в его сферу правоотношения. В результате подобного допущения предпринимаемая авторами попытка вычленения принципов международного частного права изначально обречена на неудачу, ибо давление авторитета принципов международного публичного права на исследователей становится столь значительным, что в качестве принципов международного частного права появляются «юридические химеры» вроде «принципа мирного урегулирования возникающих споров» или «принципа недопустимости дискриминации торгово-экономических отношений с зарубежными партнерами» [9, с. 10; 11, с. 11], не имеющие никакого отношения к международному частному праву и представляющие собой лишь механическую рецепцию принципов международного публичного права.

Обозначенные противоречия ярко иллюстрируют неспособность «половинчатого» подхода как выявить и сформулировать принципы международного частного права, так и установить истинный характер их взаимоотношений с принципами международного публичного права. Для решения упомянутых задач необходимо четкое осознание того, что на сегодняшний день международное частное право представляет собой сложнейший полисистемный комплекс норм различного происхождения, постоянно развивающийся и испытывающий на себе влияние самых различных факторов (в числе которых

находятся и принципы международного публичного права). Учитывая значительное количество и разнонаправленность векторов воздействия, появление новых правовых норм в международном частном праве должно обязательно основываться на определенных, достаточно статичных «ключевых позициях». В противном случае этот процесс будет хаотичным, бессистемным и в конечном итоге приведет к тому, что вся накопившаяся масса нормативного материала ввиду непреодолимых внутренних противоречий не сможет выполнять свою основную функцию — регулирование соответствующих правоотношений. Учитывая тот факт, что сегодня международное частное право успешно справляется с задачей регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, мы можем с уверенностью утверждать, что основой поступательного развития международного частного права (теми самыми «ключевыми позициями») является полностью независимая система объективно существующих принципов, перечень и содержание которых не сводимы ни к принципам международного публичного права, ни к принципам любых других систем правовых норм или отраслей права.

Высказанное нами утверждение в той или иной степени поддерживается в работах таких исследователей общетеоретических проблем международного частного права, как Л. П. Ануфриева [1, с. 21–29, 103–121] и О. Н. Толочко [10]. Последняя, в частности, пишет: «общие принципы международного публичного права вовсе не имеют такого значения для международного частного права, какое им обычно приписывается» и далее добавляет: «принципы международного частного права должны отражать специфику регулирования именно в данной сфере» [10, с. 25].

Наличие указанного подхода свидетельствует о создании в отечественной доктрине международного частного права серьезных предпосылок к тому, чтобы сделать решающий шаг в сторону обоснования автономности и самодостаточности международного частного права в целом и системы его принципов в частности.

Мы считаем этот шаг необходимым, обоснованным и неизбежным вследствие того, что, как мы ранее показали в настоящей статье, попытки введения «прямого действия» принципов международного публичного права или их механической рецепции международным частным правом являются в теоретическом плане необоснованными, а в практическом — бесполезными. Упомянутые попытки являются прямым следствием длительного доминирования в доктрине подходов, рассматривавших международное частное право через призму его некой «вторичности» и «подчиненного положения». В современных условиях становится все очевиднее ошибочность подобных подходов, что требует от науки международного частного права глубокого пересмотра устоявшихся теоретических положений.

Представляется, что столь необходимый для международного частного права процесс избавления от «комплекса младшего брата» в отношении

международного публичного права и других систем правовых норм и отраслей права необходимо начинать именно с выявления и четкой доктринальной (а впоследствии и нормативной) фиксации системы его принципов, которая сама по себе станет бесспорным доказательством автономности существования и развития международного частного права как особой системы правовых норм, функционирующей на основе собственных, объективно присущих принципиальных положений.

В результате с неизбежностью будет решен и вопрос о взаимоотношении принципов международного частного и международного публичного права на основе признания их параллельного существования в качестве независимых систем, взаимно обогащающих друг друга.

Последнее утверждение не случайно. Подавляющее большинство теоретиков международного частного права, работы которых рассматриваются в настоящей статье, в той или иной степени обосновывают воздействие принципов международного публичного права на принципы международного частного права. Об обратном влиянии никто не упоминает. Однако исключать подобную возможность нельзя.

Современный этап развития международного публичного права характеризуется значительными качественными изменениями, затрагивающими эту некогда весьма статичную систему правовых норм. В частности, это касается изменений в субъектном составе, а именно растущей роли транснациональных корпораций. Несмотря на то, что рассматривать транснациональные корпорации в качестве полноправных субъектов международного публичного права пока преждевременно [6, с. 87], игнорировать степень их воздействия на международные отношения уже невозможно. Обладая бюджетами, сопоставимыми с бюджетом среднего государства (а иногда и превосходящими его), они уже сейчас во многом определяют экономическую политику стран и целых регионов, самостоятельно заключают полновесные соглашения как с отдельными странами, так и с международными организациями, добиваясь собственных, весьма специфических, целей. При этом в правовом аспекте они продолжают оставаться конгломератом юридических лиц, территориально разбросанных по всему миру и не подпадающих под непосредственное регулирование норм международного публичного права. В этой связи традиционная система принципов международного публичного права становится просто бессильной в части подчинения деятельности транснациональных корпораций общепризнанным нормам, установленным в сфере международных отношений.

В частности, предпринимаемые попытки регламентации деятельности транснациональных корпораций в рамках существующей системы принципов международного публичного права материализовались в принятии целого ряда документов, обобщенно именуемых «кодексами поведения транснациональных корпораций» (Принципы многонациональных предприятий

Организации по экономическому сотрудничеству и развитию, Универсальный кодекс поведения транснациональных корпораций ООН и другие). Однако осуществленное в упомянутых кодексах прямое экстраполирование общепризнанных принципов международного публичного права на сферу деятельности транснациональных корпораций в сочетании с отсутствием реальных действенных механизмов контроля за их выполнением лишило эти документы основной функции — регулирующей, превратив их в сборники общих положений и морализаторских наставлений, не имеющие реальной юридической силы, а потому зачастую просто игнорируемые.

Гипотетическим выходом из данной ситуации может послужить заимствование международным публичным правом некоторых принципов международного частного права с их последующей трансформацией, учитывающей специфику регулируемых правоотношений. Международное частное право и его принципы представляют для транснациональных корпораций естественный и привычный регулятор их деятельности, в рамках которого они успешно функционируют с момента своего зарождения. Именно поэтому методологически грамотное преломление принципов международного частного права на сферу международного публичного права с их последующей трансформацией может создать реальный действенный механизм регулирования деятельности транснациональных корпораций. Используя, например, такие принципы международного частного права, как принцип коллизионного регулирования, автономия воли сторон и принцип применения суперимперативных норм, возможно разработать стройную систему норм международного публичного права, в соответствии с которой транснациональные корпорации:

- по наиболее важным и принципиальным вопросам функционирования будут подчиняться четко сформулированным императивным нормам (при этом зафиксировать эти нормы можно на конвенционном уровне, обязав страны, ратифицирующие соответствующую конвенцию, осуществить прямую имплементацию указанных императивных норм в свое национальное законодательство);
- в отношении аспектов правового регулирования, важных для конкретной страны осуществления их деятельности, должны руководствоваться нормами, установленными в законодательстве этой страны;
- в остальных вопросах взаимоотношений с иными субъектами (от государств до индивидов) — руководствоваться автономией воли сторон для обеспечения максимально возможной свободы деятельности.

В этой связи нам видится совершенно обоснованным, что разработка новых принципов международного публичного права в отношении деятельности транснациональных корпораций может и должна основываться на зарекомендовавших себя с положительной стороны принципах международного частного права. Тем самым будет обеспечена необходимая преемственность в регулировании соответствующих правоотношений, а также гарантировано

сохранение «общего духа» регламентации деятельности транснациональных корпораций. Успешный опыт подобной рецепции может открыть широкие возможности для применения принципов международного частного права в выработке принципиальных положений регулирования смежных сфер международного публичного права.

Таким образом, на основании вышеизложенного представляется обоснованным утверждать, что взаимоотношение принципов международного публичного права и принципов международного частного права основано на их автономности, равнозначности и взаимном косвенном влиянии, обеспечивающем поступательное прогрессивное развитие упомянутых систем правовых норм. В этой связи попытки введения «прямого действия» любой из указанных систем принципов в иной сфере правового регулирования или их механической рецепции изначально обречены на неудачу ввиду неизбежного порождения неразрешимых противоречий с соответствующей системой правовых норм. Принципы международного публичного и международного частного права существуют параллельно, развиваются в соответствии с внутренними потребностями своих систем правовых норм, однако это ни в коем случае не исключает, а наоборот, способствует их постоянному взаимодействию с целью совершенствования и взаимного обогащения друг друга. Все учащающееся пересечение некогда лишь соприкасавшихся сфер правового регулирования международного публичного и частного права, являющееся современным трендом общемирового масштаба, требует от указанных систем правовых норм ухода от привычных путей развития в сторону максимально возможной открытости в восприятии принципиальных положений друг друга. При этом взаимодействие принципов международного публичного права и принципов международного частного права должно быть построено на основе взаимного признания независимости и значимости каждой из указанных систем принципов, а также на допущении возможности рецепции принципиальных положений другой системы после их методологически обоснованного преломления на собственную сферу правового регулирования.

Литература

1. *Ануфриева, Л. П.* Международное частное право: в 3-х т. — Том 1. Общая часть: учебник / Л. П. Ануфриева. — М. : БЕК, 2002. — 288 с.

2. *Богуславский, М. М.* Международное частное право: Учебник / М. М. Богуславский. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Междунар. отношения, 1994. — 416 с.

3. *Вольф, М.* Международное частное право / М. Вольф. — М. : Гос. изд. иностр. лит., 1948. — 703 с.

4. *Колобов, Р. Ю.* Основы построения и функционирования международного частного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р. Ю. Колобов. Иркут. гос. ун-т — Иркутск, 2006. — 25 с.

5. *Лунц, Л. А.* Международное частное право (Общая часть) / Л. А. Лунц. — М. : Госюриздат, 1959. — 280 с.
6. Международное право : Учебник / Анисимов Л. П. [и др.] ; отв. ред. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. — М. : Междунар. отношения, 2001. — 720 с.
7. Международное частное право: современные проблемы / Н. Р. Баратянц [и др.] ; отв. ред. М. М. Богуславский. — М. : ТЕИС, 1994. — 507 с.
8. *Скурко, Е. В.* Принципы права: монография / Е. В. Скурко. — М. : Ось-89, 2008. — 192 с.
9. *Тихиня, В. Г.* Международное частное право / В. Г. Тихиня. — Изд. 5-е, перераб. и доп. — Минск : Право и экономика, 2003. — 412 с.
10. *Толочко, О. Н.* Принципы международного частного права / О. Н. Толочко // Белорусский журнал международного права и международных отношений. — 2001. — № 2. — С. 24—28.
11. *Чудаева, М. Л.* Международное частное право: курс лекций / М. Л. Чудаева. — Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2007. — 150 с.
12. *Hambro, E.* The relation between international law and conflict law/ E. Hambro // Recueil des cours. Acad. de droit intern. Leiden, 1962. — Т. 105. — P. 1—68.
13. *Maier, H.* Extraterritorial Jurisdiction at a Crossroads: an Interaction between public and private international law / H. Maier // American Journal of International Law. 1982. — Vol. 76. — № 2. — P. 280—320.
14. *Rigaux, P.* Le droit international privé face au droit international / P. Rigaux // Revue critique de droit international privé, 1976. — Т. 66. — № 1. — P. 261—299.
15. *Wortley, B. A.* The interaction of public and private international law today / B. A. Wortley // Recueil des cours. Acad. de droit intern. Leiden, 1954. — Т. 85. — P. 246—339.

THE INTERRELATION OF THE PRINCIPLES OF INTERNATIONAL PUBLIC LAW AND THE PRINCIPLES OF INTERNATIONAL PRIVATE LAW

N. Oksyutchik

In the present article the author investigates the issue of the interrelation of the principles of international public law and the principles of international private law. While analyzing the existing scientific approaches to the issue, the author proves a conclusion that the interrelation of the principles of international public and international private law is based on their autonomy, equivalence and the mutual indirect influence providing steady progressive development of the relevant systems of law.

Статья поступила в редакцию 30.05.2012 г.